Секция «40.3 История зарубежной философии»

О соотношении Фортуны и власти в сочинениях Сенеки

Научный руководитель – Тоноян Лариса Грачиковна

Аверьянов Ярослав Сергеевич
Студент (бакалавр)
Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет политологии, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: averyanovyaroslaw@yandex.ru

В произведениях Луция Анния Сенеки последовательно проводится мысль о подчинённости внешних обстоятельств фортуне и обусловленной этим фундаментальной нестабильности политической власти. Из этого следует вывод о предпочтительности минимального участия во власти как способа снизить зависимость от фортуны.

Эти положения соотносятся с биографическим опытом философа: политическая карьера и пережитые им кризисы могли способствовать формированию убеждения, что в сфере власти исход определяется действиями фортуны, а не личными усилиями. Данные идеи выражены как в трагедиях (датировка которых остается дискуссионной), так и в «Нравственных письмах к Луцилию». Представление об абсолютной силе фортуны соединяется у Сенеки с установкой на дистанцирование от политического участия [3, 4, 6].

В трагедии «Фиест» Сенека поддерживает представление о фортуне как об абсолютной и дестабилизирующей силе, управляющей судьбами властвующих: «И меж царей непрочных пусть колеблется фортуна, из могущества в ничтожество бросая, власть же мечут волны случая» (Сенека, 1983, с. 203). Этим подчеркивается зависимость политической власти от фортуны, её принципиальная неустойчивость. Одновременно в трагедии проводится мысль о предпочтительности удаления от власти как формы освобождения от её произвола. В монологе Фиеста противопоставляются скромная, но безопасная жизнь частного человека и роскошь, сопряжённая с постоянной угрозой: отказ от богатства и могущества трактуется как источник внутреннего покоя и устойчивости. Бедность и частное существование предстают здесь как условие свободы от переменчивых обстоятельств. Данная установка получает обобщённое выражение в диалоге Атрея и Фиеста: «От щедрости фортуны кто откажется?» — «Любой, кто знает, что она отнимет всё» (Сенека, 1983, с. 217). Сенека формулирует принцип: добровольное ограничение внешних благ и сознательное сокращение сферы власти и богатства служат средством освобождения от господства фортуны и достижения внутренней свободы [5].

Произведение «Медея» представляет собой исключение в корпусе трагедий Сенеки: здесь человеческий субъект впервые демонстрирует возможность активного сопротивления фортуне. Героиня прямо утверждает своё превосходство над фортуной («Гнетет фортуна робких, — храбрый страшен ей», «Любой фортуны выше я была всегда») (Сенека, 1983, с. 217) и подтверждает это поступками, успешно реализуя своё возмездие. В отличие от других трагедий, в «Медее» отсутствуют высказывания, наделяющие фортуну абсолютной властью. Однако, возможна альтернативная интерпретация, в рамках которой Медея выступает не субъектом, а орудием фортуны [2].

В трагедии «Эдип» наиболее последовательно выражен абсолютный характер фортуны. Её власть подтверждается не только словами («пред фортуной власть царей беспомощны» (Сенека, 1983, с. 69), «нас ведёт судьба — не противьтесь судьбе» (Сенека, 1983, с. 96), но и всей логикой сюжета. Биография Эдипа полностью конструируется цепью предопределений: попытки Лая и самого Эдипа избежать пророчеств лишь приводят к их точному исполнению. Тем самым подтверждается тезис о иллюзорности человеческой

свободы. Показательно, что даже доблесть и мужество Эдипа, им самим подчёркнутые («нет, в трусости позорной неповинен я» (Сенека, 1983, с. 71) и подтверждённые поступками (победа над Сфинксом, добровольное самоослепление во имя спасения Фив), оказываются недостаточными для преодоления власти фортуны. Тем самым трагедия «Эдип» вступает в концептуальное противоречие с «Медеей»: если Медея утверждает, что «Гнетет фортуна робких, — храбрый страшен ей» (Сенека, 1983, с. 9) и подтверждает этот тезис своей победой, то судьба Эдипа демонстрирует, что даже храбрость и доблесть не гарантируют освобождения от фатального порядка [7].

В трагедии «Агамемнон» фортуна представлена как сила, обладающая практически неограниченной властью, тогда как политические лидеры изображаются полностью зависимыми от её переменчивости. Мотив непрочности возвышения и иллюзорности могущества проходит через реплики о том, что фортуна возносит лишь затем, чтобы низвергнуть, а престол лишён устойчивости и покоя. Подчёркивается зависимость власти от случая и отсутствие прочных оснований у политического величия. Предпочтение скромного, «общего» удела противопоставляется опасности исключительного положения. Сюжет трагедии демонстрирует, как сама фортуна разрушает великие замыслы, обнажая их уязвимость перед внешней силой [1].

В сочинении «Нравственные письма к Луцилию» Сенека утверждает мысль о всеобъемлющем характере фортуны. Случайные блага трактуются как источник зависимости и потенциальной утраты. Всё дарованное фортуной обратимо и потому не принадлежит человеку. Тот, кого фортуна возвышает, оказывается лишь её орудием и объектом дальнейшего низвержения. Отсюда повторяется вывод: ослабить власть фортуны возможно только через сознательное дистанцирование от её «предметов искушения» — богатства, власти, общественного признания. Сближение с бедностью мыслится как средство обеспечения внутренней устойчивости и независимости [3].

Мотив гегемонии фортуны и производного от неё понимания власти как принципиально нестабильной структуры образует устойчивую линию в корпусе сочинений Луция Анния Сенеки. Политические субъекты выступают орудиями внешней силы, которая возносит и низвергает их вне зависимости от личных качеств. Единственным способом уменьшить зависимость от фортуны мыслится добровольное сокращение сферы подвластного ей — отказ от политического могущества и связанных с ним благ. Этот тезис последовательно проявляется как в трагедиях (чья датировка остаётся дискуссионной), так и в сочинении «Нравственные письма к Луцилию», написанном в конце жизни философа. При этом биографический материал обнаруживает напряжение между установкой на удаление от власти и фактическим участием Сенеки в политике, что придаёт данной позиции внутренне противоречивый характер.

Источники и литература

1) Сенека Л.А. Агамемнон / Пер. С. А. Ошерова // Сенека Л.А. Трагедии. М., 1983. С. 265–292.

2) Сенека Л.А. Медея / Пер. С. А. Ошерова // Сенека Л.А. Трагедии. М., 1983. С. 5–34.

3) Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.

4) Сенека Л.А. Трагедии / Пер. С. А. Ошерова. М., 1983.

5) Сенека Л.А. Фиест / Пер. С. А. Ошерова // Сенека Л.А. Трагедии. М., 1983. С. 202–232.

6) Сенека Л.А. Философские трактаты. 2-е изд. СПб., 2001.

7) Сенека Л.А. Эдип / Пер. С. А. Ошерова // Сенека Л.А. Трагедии. М., 1983. С. 69–98.